

От автора

Неразгаданные тайны, загадки и легенды – это как раз то, что мне было интересно всегда. С раннего детства я был увлечен морем, приключениями. Ветер дальних странствий прилетал в мой мир из книг Джека Лондона и Валентина Пикуля. По иронии судьбы море так и не стало моей профессией, но детская мечта быть капитаном и открывать неизвестные страницы русской истории однажды осуществилась. Мне удалось пройти под парусом по следам русских экспедиций, побывать в одном лице яхтенным капитаном, путешественником, исследователем и автором исторического приключения «Русский след» телеканала «Моя планета».

В конце XVIII века за пределами России в течение четырех лет существовало уникальное образование – Архипелагская губерния. В нее, по актуальным данным доктора исторических наук Елены Борисовны Смилянкой, входил 31 остров в центре Эгейского моря. У нас об этой губернии не знает почти никто, кроме узкого круга специалистов. Из всех, кто изучает этот уникальный отрезок русской истории, побывала на месте тех событий только профессор Смилянская, оказавшая существенную помощь в подготовке нашей экспедиции. Оказалось, эта часть истории нашей страны до конца так и не исследована и по-прежнему хранит свои тайны.

Во время нескольких экспедиций нам удалось совершить настоящие открытия. Но вот парадокс: загадок от этого меньше не стало. Часть из них мы разгадали, но зато появились новые.

Я затрудняюсь определить жанр этой книги. Скорее, это исследование и путеводитель. Надеюсь, наша книга вытащит вас из лап обыденности и прохлады гостиничного номера и вдохновит на настоящее приключение, путешествие, познание мира. А возможно, и на открытие! Захотите этого всем сердцем, и это желание откроет вам массу возможностей. Поверьте!

Честь имею, Алексей Никулин

-ЧАСТЬ ПЕРВАЯ-

В погоне за графом Орловым

В путь!

Не будите спящего кота

Чесменский успех

Губернские хроники. Парос

Кортик. Патмос

Дом с покатою крышей. Миконос и Тинос

Музей под открытым небом. Делос

Школа для «гречат». Наксос

Сердце губернии. Парос

Таинственные каракули. Антипарос

Могила Гомера. Иос

Голубая пещера. Кафель Россо

Тосканский рай. Ливорно

В русской истории было много всякого: славных побед, революционных преобразований и грандиозных провалов. Практически все они известны широкому кругу читателей и зрителей. Меня же всегда интересовали события, по разным причинам оказавшиеся в тени или безвестности. Есть среди них те, что вполне могли перевернуть ход российской истории и изменить наше настоящее.

Образование на греческих островах, за пределами России, Архипелагской губернии – как раз такое явление, не особо изученное, не попавшее в учебники истории, но крайне важное, неожиданное, неоднозначное и потому интересное. Безусловно, изучить любое историческое событие можно по архивным документам. Так работают ученые. Мне же всегда было интересно сопоставить то, что я узнаю из документов, с тем, что я могу увидеть своими глазами. Кроме того, природное любопытство и азарт путешественника всегда заставляют меня копнуть немного глубже, постараться найти и увидеть то, что до меня никто обнаружить не смог. Одним словом, попытаться сделать открытие. Именно эти мотивы увлекли меня заняться изучением истории Архипелагской губернии – погрузиться в тему, обнаружить новые или малоизученные документы и факты, а затем, пройдя по греческим островам, своими глазами увидеть места событий и постараться найти их достоверные свидетельства.

Итак, во второй половине XVIII века Греция уже давно не была самостоятельной, являясь частью Блистательной

Порты. Определенная часть этнических греков мечтала видеть себя свободными от ненавистных османов. Кроме благородной миссии освобождения единоверцев, у России были геополитические интересы на своих южных рубежах – мы не имели выхода к Черному морю, были лишены морских коммуникаций, что ограничивало развитие наших южных территорий. Это хорошо понимали в обеих столицах – в Константинополе и Санкт-Петербурге. И потому будущая война была лишь вопросом времени. Екатерина хотела всеми силами оттянуть войну с турками, впрочем, она не сомневалась в ее неизбежности.

Екатерина, верная продолжательница дела Петра I, как и он, принимала на русскую службу иностранных специалистов, строила современных флот и, видя в нем серьезный геополитический инструмент, надеялась однажды опробовать его в деле. Осенью 1768 года обычный пограничный конфликт перерос войну. Войну неожиданно долгую, сначала на суше, а затем и на море. И в 1769 году из Кронштадта в Средиземное море вышли две эскадры русских кораблей, командование над которыми по прибытии к берегам Пелопоннеса надлежало принять графу Алексею Григорьевичу Орлову. Екатерина, отправляя свой флот к берегам Греции, в тыл к османам, намеревалась переломить ход кампании, а заодно освободить единоверцев.

В рискованное предприятие императрицы Екатерины никто не верил – ни противники, ни союзники. Русские корабли прежде не совершали столь протяженных походов. Кораблям под Андреевским флагом предстояло пройти почти 5 тыс. миль, обогнуть Европу и встретиться с турками в водах Средиземного моря. Одержав победы в нескольких решающих и кровопролитных сражениях, русские обосновались на греческих островах. Да-да, именно обосновались... и, по всей видимости, намеревались остаться здесь всерьез и надолго. Этому есть множество доказательств, которые я приведу далее. Главное: русские основали на греческих островах Архипелагскую губернию – новое, революционное образование, которое должно было стать своеобразной

тестовой площадкой для государственных экспериментов Екатерины. В состав Архипелагской губернии вошли три десятка греческих островов, а столицей стал остров Парос. Возможно, все и произошло бы так, как планировала Екатерина Великая, если бы спустя четыре года Россия не заключила известный Кючук-Кайнарджийский мирный договор. По нему мы теряли свои владения в Эгейском море, но приобретали другие преференции, например, получали в Крыму Азов, Керчь, Ени-Кале и Кинбурн. Россия, кроме того, получила ранее для нее недоступную возможность пользоваться проливами и таким образом добилась выхода своих кораблей из Черного моря на средиземноморские коммуникации. В соответствии с условиями договора, русским пришлось уйти из Архипелагской губернии, а эпизод этот словно исчез из летописи государства Российского. Но четыре года пребывания русских в Архипелаге не могли не оставить следов, и я хотел их обнаружить.

Главный русский след остался в столице Архипелагской губернии – на острове Парос, а точнее, в одной из его бухт. У побережья Пароса в тихой и живописной бухте Ауза располагалась стоянка русских кораблей. Я знал, что некоторые корабли не смогли уйти из-за своей ветхости: часть из них к окончанию экспедиции уже достигла предельного срока службы и просто не пережила бы обратного плавания. Часть русские продали на дрова, другую часть обобрали, разоружили и попросту бросили там же, где они стояли. Корабли на дне бухты Ауза долгое время были мифом, легендой или словами из официальных документов Архипелагской экспедиции. О них писали и рассказывали, но никому прежде не удавалось найти их и прикоснуться к останкам того, что почти два с половиной века назад составляло славу русского флота. Но одно дело – легенды. И совсем другое – реальное подтверждение существования русских кораблей.

Местные жители пересказывают друг другу истории о неких кораблях (точнее – их останках), якобы лежащих на дне бухты Ауза. Греческие старики поговаривают, что в молодости ныряли в бухте и доставали русские монеты, иконы

и ядра. Они также утверждают, что не все корабли смогли покинуть сердце Архипелагской губернии. Якобы моряки, уходя из Архипелага, сняли с кораблей все, что было возможно, и оставили их. Теперь они якобы лежат на дне бухты и почти два с половиной столетия ждут своего часа, чтобы открыть тайны той экспедиции. Якобы, якобы, якобы... Я мечтал об открытии. Я хотел стать тем, кто найдет подводный русский след в бухте Пароса.

Я отправился в экспедицию не один. Компанию мне составил журналист и фотограф Марк Подрабинек. На пару под парусами яхты White Russian мы прошли по русским следам графа Алексея Орлова и его экспедиции в самом сердце Эгейского моря, которое в среде яхтсменов за крутой нрав называется «Эгегейским». Мы побывали почти на всех греческих островах, входивших в губернию, о которых нашли упоминания в уникальных исторических хрониках – документах, дневниках и записках участников Архипелагской экспедиции. В один из дней мы встали в бухте Ауза с, пожалуй, самой главной целью – найти останки тех самых мифических кораблей.

Конечно, мы нервничали... словно неопытные и дерзкие мальчишки накануне важного экзамена. Яхта White Russian подошла к самой интригующей части нашего путешествия:

мы встали на якорь в какой-то сотне метров от острова Парос... в том месте, где, по нашим предположениям, должны были лежать на дне русские корабли.

Для нас наступал момент истины: либо мы прикоснемся к вечности и совершим важное открытие, либо потерпим неудачу и начнем все сначала.

ГЛАВА 1

В путь!

Наш поход по следам таинственной и малоизученной Архипелагской экспедиции графа Алексея Орлова должен был стать своеобразным путешествием во времени – из нынешнего века в век восемнадцатый. Мы постарались в точности повторить путь экспедиции и найти как можно больше ее следов. Они существуют и доступны для тех, кто решил проникнуть в самые потаенные уголки русской истории... то есть для нас с вами.

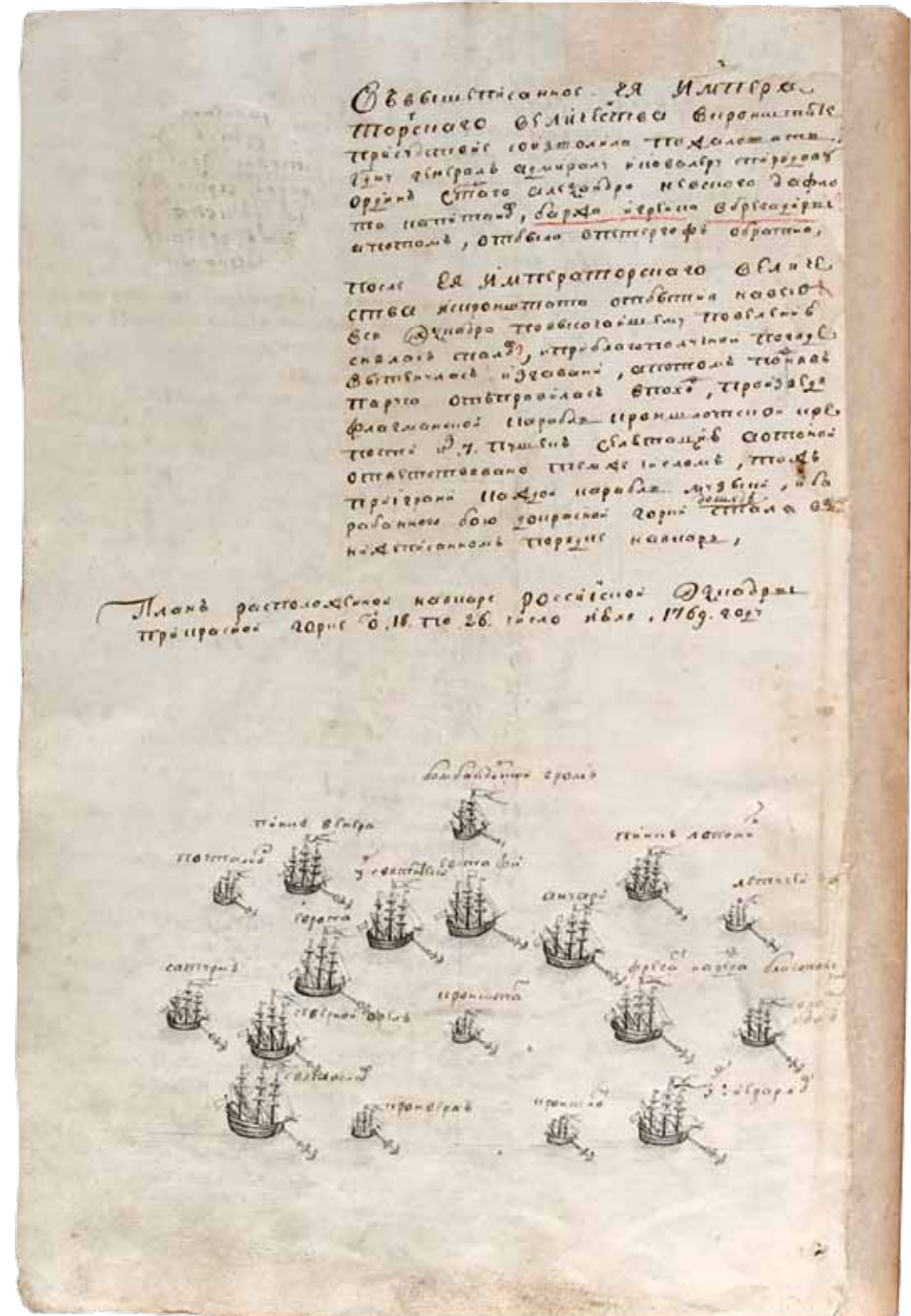
Мой интерес к Архипелагской экспедиции возник несколько лет назад, когда я впервые столкнулся с дневниками ее участника Степана Петровича Хметевского. Этот удивительный человек, боевой морской офицер, вместе с графом

Алексеем Орловым и другими искателями славы и приключений не просто прошел длинный путь из России в Средиземное море, он зафиксировал на бумаге основные моменты этих событий. Многие, казалось бы не очень значимые, описываемые капитаном Хметевским факты являлись для меня источником ценнейшей информации, способной прояснить спорные и неочевидные поступки участников экспедиции. Я вчитывался раз за разом в одни и те же строчки и находил в них все новый смысл. Я убеждался, что передо мной довольно полный, объективный и достоверный документ, рассказывающий о событиях более чем 200-летней давности. Записки Хметевского стали основным источником информации в нашем, не лишенном трудностей, путешествии.

И я, находясь в пыльной Москве, стал мечтать... о том, что когда-нибудь в компании таких же отчаянных и неисправимых романтиков смогу отплыть на поиски следов экспедиции графа Орлова. За несколько лет я прошерстил массу документов, спланировал само путешествие и, наконец, получил возможность осуществить свою мечту.

Нам с моим старпомом Марком Подрабинеком предстояло найти русские следы Архипелагской экспедиции, зафиксировать все найденное на ТВ- и фотокамеры и снять об этом несколько фильмов для канала «Моя планета». Для полноты ощущений и достоверности мы решили повторить маршрут не на пароме, машине или комфортабельном автобусе, а под парусами, так же как и наши соотечественники – русские моряки.

Наша экспедиционная яхта White Russian – это 40-футовый одномачтовый парусник, построенный верфью Bavaria в 2007 году. По совокупности своих мореходных качеств и навигационного оборудования она не имеет ограничений по району мореплавания. Конструкторам удалось создать великолепный современный парусник. Крепкий, достаточно быстрый, послушный и комфортный. Говорят, лет через 10 эта лодка станет живой классикой как последний «привет» этой верфи реальному сейлингу (путешествие под парусом. – Авт.). Поживем – увидим...

Степан Петрович Хметевский

Родился 28 октября 1730 года в родовом сельце Хомяковка Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии. Получил воспитание в Морском корпусе, откуда в 1747 году вышел гардемарин. С 1759 года находился в кампаниях в Балтийском и Немецком морях, совершил переход из Кронштадта в Архангельск и обратно. В Семилетней войне командовал пинком «Вологда». В 1762–1763 годах состоял морским адъютантом при наследнике престола Павле Петровиче.

В 1769 году был произведен в капитаны 1-го ранга и отправился в Средиземное море на флагманском корабле «Не тронь меня» в составе второй эскадры Архипелагской экспедиции. В 1770 году участвовал в сражении при Наполи-ди-Романья, а затем во главе корабля «Три Святителя» сражался в Чесменском бою. Во время сражения его корабль проник в глубь турецкого флота и стал действовать «с такой решимостью» по четырем неприятельским судам, что они были вынуждены удалиться в Чесменскую бухту. Это отступление послужило сигналом к общему бегству всего турецкого флота.

Во время пребывания в Средиземном море Хметевский вел дневник, в котором подробно описал Чесменский бой и все другие действия русского флота в Архипелаге. Этот дневник, представляющий богатый материал для истории русского флота, был напечатан в 1855 году в жур-

нале «Современник». В отделе редкой книги Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится рукопись сочинения С. П. Хметевского.

С 1771-го по 1774 год Хметевский крейсировал в Архипелаге, участвовал в блокаде острова Станчо. В 1775 году Степан Петрович вернулся в Россию. За храбрость в Чесменском бою и военных действиях против турецких береговых укреплений в Архипелаге Хметевский был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В 1776-м году Хметевский произведен в капитаны бригадирского ранга, а в 1779-м – в капитаны генерал-майорского ранга. Тогда же Хметевский в связи с проблемами со здоровьем подал прошение об отставке, но по просьбе графа Чернышева забрал прошение и командовал эскадрой, посланной в Северный океан для крейсирования между Нордкапом и Кильдином. Получил звание контр-адмирала.

После возвращения в Кронштадт Степан Петрович представил в Адмиралтейств-коллегию составленные им карты частей Северного океана около Нордкапа. 18 февраля 1780 года Хметевский вышел в отставку и поселился в своем имении во Владимирской губернии под Переславлем-Залесским. В 1788–1791 годах Хметевский был переславским уездным предводителем дворянства. Скончался 24 декабря 1800 года. Похоронен в городе Переславле-Залесском.

Эта яхта вполне соответствовала нашим задачам в Эгейском море. Когда зашла речь о названии, мы объявили конкурс и из 20 с лишним вариантов выбрали самое символичное – «Белый русский». Так в начале XX века на Западе называли русских солдат и офицеров, покинувших Россию после революции. «Белый русский» – белогвардеец!

Некоторые наивно полагают, что лодка носит название очень популярного коктейля. Все совсем наоборот. На самом деле напиток (его, кстати, изобрели русские офицеры) стал популярным лишь после спуска на воду яхты White Russian, которая стала послом коктейля в Средиземноморье. Это, конечно, шутка!

Совсем недавно я получил яркое подтверждение того, что все в истории возвращается на круги своя, а современность имеет кровную связь с событиями 1770 года. Я говорю о присоединении Крыма к России. Архипелагская губерния прекратила свое существование именно потому, что по условиям мирного Кючук-Кайнарджийского договора Россия оставила греческие острова, но получила от Порты полуостров Крым. Однако до этого момента императрица Екатерина планировала использовать Архипелагскую губернию как полигон для смелых экспериментов и реформ. Она была лишена такой возможности на основной части Российской империи из-за отсутствия даже минимальной поддержки в этом вопросе. Задумай она провести такие эксперименты в России, ей, скорее всего, «отвернули» бы голову, как и прочим царственным «реформаторам». Екатерине для создания нового общества была нужна благодатная почва, а для управления губернией – новые люди. Только подумайте в это удивительное начинание: монарх, имеющий всю полноту авторитарной власти, создает вдали от своей территории республиканское новообразование с революционной по своей сути системой управления!

Спустя годы эта тенденция продолжилась. Император Павел, хоть и не любил мать, все-таки пошел по ее стопам. Под занавес XVIII века он санкционировал создание Республики Семи Островов со столицей на острове Корфу (я расскажу об этом в третьей части книги). Мало кто знает, что русские гарнизоны продолжали стоять там аж до 1807 года.

И вот снова тема Крыма – полуострова, ставшего разменной монетой в торге с Портой, – вернулась в нашу жизнь. Мы завоевали право владеть этим полуостровом пролитой кровью и усилиями наших предков еще в XVIII веке! А сейчас Крым – еще и тестовая площадка для смелых реформ

Правительства России, такая же, какой была Архипелагская губерния, отданная нами за возвращенный полуостров. Так что связь времен прослеживается, а рассказ о нашем путешествии в Архипелагскую губернию приобретает интересное и актуальное звучание.

Итак, отправляемся в путь. Мы рассчитываем преодолеть под парусами яхты *White Russian* около 3 тыс. морских миль и выйти на след артефактов, которыми когда-то обладали или пользовались участники Архипелагской экспедиции. Большинство из них никогда прежде не было

Алексей Григорьевич Орлов

Алексей Орлов-Чесменский происходил из дворянского рода Орловых. Родился 24 сентября 1737 года в родовой усадьбе Орловых в селе Люткино Бежецкого уезда Тверской губернии в семье Г. И. Орлова, будущего новгородского губернатора. Алексей Орлов получил образование в Сухопутном шляхетном корпусе и начал службу солдатом лейб-гвардии Преображенского полка.

Один из руководителей дворцового переворота 28 июня 1762 года, в результате которого на российский престол возшла императрица Екатерина II. Он заставил императора Петра III подписать акт об отречении от престола. Он же, согласно распространенной версии, и убил свергнутого императора. После восшествия Екатерины на престол получил чин генерал-майора и был возведен в графское достоинство.

Орлов не имел ни хорошего образования, ни воспитания, не знал иностранных языков, а его дурные манеры шокировали придворных дам. Несмотря на это, он интересовался наукой, покровительствовал М. Ломоносову и Д. Фонвизину, состоял в переписке с Ж.-Ж. Руссо. Алексей Орлов был одним из основателей Воль-

ного экономического общества и первым его выборным председателем.

Не занимая формально видных должностей, Орлов долгое время оказывал сильное влияние на государственные дела. В 1768–1769 годах разработал план военной операции против Турции в Средиземном море. В 1769 году получил под командование эскадру русского флота и за победу в Чесменском сражении был награжден орденом Святого Георгия 1-го класса, а также стал именоваться графом Орловым-Чесменским. В 1775 году получил отставку.

После смерти Екатерины Алексей Орлов уехал за границу, взяв с собой дочь. После восшествия на престол императора Александра I графа с дочерью вернули из Дрездена в Москву, где он поселился в Нескучном дворце у Донского монастыря.

На Хреновском конном заводе, принадлежавшем графу Орлову, была выведена одна из самых известных в мире русских пород лошадей – орловский рысак, а также первая в России верховая порода лошадей – русская верховая.

Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский скончался 24 декабря 1807 года в Москве.

в руках наших современников. Например, знаменитый кортик графа Алексея Орлова. Я не раз слышал, что он хранится в монастыре Иоанна Богослова на острове Патмос, но еще никому не удавалось взять его в руки, впрочем, как и другие сокровища монастыря. Однажды я пытался добраться до него и узнать, является ли кортик из монастыря если не орловским, то хотя бы русским холодным оружием. То же касается десятков других не менее важных артефактов – немых свидетелей и непосредственных участников таинственной Архипелагской экспедиции. Мы собирались разыскать и запечатлеть их для потомков и вас, читателей этой книги.

ГЛАВА 2

Не будите спящего кота

Итак, с чего же все началось? Шутник ответил бы, что все началось с кружки пива, а закончилось ограблением банка. Если серьезно, началом Архипелагской экспедиции стал банальный пограничный конфликт. А точнее – нападение малороссийских гайдамаков на турецкую деревню Галту в Подолии. Повод для нападения был явно надуманным. Но в его суть в Константинополе вникать не стали. Отношения между Османской и Российской империями напоминали выгоревший на палящем солнце стог сена, которому не доставало лишь искры. Искра прилетела из Речи Посполитой, где произошли события, породившие конфликт между двумя империями.

Речь Посполитая была гипердемократичным по тем временам государством. Шляхтичи выбирали королей. Каждый из них в душе надеялся усидеть на троне как можно дольше и передать власть наследнику. Королем руководил сейм, сеймом – магнатские кланы, а кланами управляли спесь, жажда власти и денег. Среди польских королей редко появлялись фигуры, дружелюбно настроенные по отношению к России. Наши отношения с поляками откровенно не складывались. Пик конфронтации пришел-

ся на начало XVII века – времени Смуты, когда польские интервенты вошли в Москву с целью занять русский престол. Это уже был не камень, а глыба преткновения между государствами. Исключением стала политика польского короля Яна Собесского. В 1686 году он заключил с москвитями «Вечный мир». Все остальные короли, хоть и были по происхождению не поляками, а «королями» разных мастей и всевозможными саксонские курфюрстами, точили на Россию и сабли, и зубы.

После смерти польского короля Августа III в 1763 году Екатерина задумала привести к власти в Речи Посполитой своего бывшего любовника Станислава Понятовского. Ей должны были помочь пророссийски настроенные польские магнаты. Сейм единодушно проголосовал за Понятовского. Он стал именоваться королем Станиславом Августом IV. В тот же момент был ратифицирован «Вечный мир» Яна Собесского с Россией. Подумать только, у поляков на это ушло целых 78 лет!

Изящный XVIII век был эпохой дворцовых переворотов, интриг, заговоров, дипломатических игр и войн. Все, что не удавалось урегулировать за «карточным столом» большой политики, власти решали с помощью оружия. Политику почти любого европейского государства можно свести к простой формуле – укрепляйся, становись сильнее или будешь низложен, поглощен, уничтожен, изолирован! Сфера твоих интересов – везде, где есть интересы твоих противников! Не обольщайся – никто не будет рад твоим успехам, даже твои друзья, ибо в политике друзей нет! Тем более друзей постоянных.

В то время (как, впрочем, и сейчас) односторонняя миролюбивость едва ли могла кого-то растрогать и означала только одно – шанс для соперника стать сильнее. Поэтому умная, деятельная и не лишенная «вольтерьянских» мыслей и взглядов Екатерина укрепляла российское хозяйство. Она оказалась для России того времени настоящим подарком: рожденная за ее пределами, императрица была большим патриотом, чем многие ее предшественники, русские по крови.

События, произошедшие незадолго до объявления турками России «священной войны», говорят именно об этом. Екатерининская Россия усиливалась. Это не могло не тревожить Константинополь. Османы всерьез забеспокоились, когда Россия привлекла на свою сторону Речь Посполитую – своего вечного соперника. На горизонте мировой политики замаячил крепкий союз двух славянских государств. С этим решительно не была согласна Франция. Она стремилась создать некий восточный вал, использовать антирусские настроения у части польской знати и вовлечь Россию в войну с Турцией. Свои интересы были и у британцев. Они не могли допустить усиления (и тем более доминирования) в регионе Османской империи и особенно Франции, своего принципиального противника. Как тут не вспомнить, что именно британский посол в России Вильямс толкнул в горячие объятия друг друга будущую русскую императрицу и будущего польского короля!

У России была серьезная проблема – отсутствие выхода к морю на южных рубежах. Это существенно ограничивало экономическое развитие региона. Проблему рано или поздно пришлось бы решать. Единодушные сейма, возведшего на польский трон Станислава Понятовского, вовсе не означало отсутствия оппозиции. Противники «русской кралицы» и ее бывшего любовника, а ныне польского короля Станислава Понятовского, зачастили в Константинополь, подогревая там антирусские настроения, которые в итоге вылились в объявление «священной войны». Екатерина была занята внутренними преобразованиями и не хотела войны, хотя и понимала ее неизбежность.

Война началась 25 сентября 1768 года – именно в этот день султан Мустафа III повелел объявить России «священную войну», а русского посла Алексея Обрезкова заключить под стражу в Семибашенный замок. Существует письмо Екатерины к послу в Англии графу Чернышеву. В нем она выплескивает весь свой гнев и угрожает тем, кто спровоцировал эту войну: *«Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память нескоро исчезла».*

Станислав Понятовский

Родился 17 января 1732 года. Четвертый сын каштеляна Краковского Станислава Понятовского и Констанции, урожденной княжны Чарторыйской. Получил хорошее образование и много путешествовал по Западной Европе. Долгое время прожил в Англии, где детально изучил парламентский строй. В 1752 году обратил на себя внимание в сейме своими ораторскими способностями. С 1757-го по 1762 год жил в России, где был аккредитован при дворе в качестве посла Саксонии. После смерти короля Августа III был выдвинут партией Чарторыйских кандидатом на трон Речи Посполитой и в 1764 году избран королем.

В первые годы правления Станислав Август Понятовский начал преобразования в казначействе, в армии, в государственной наградной и законодательной

системах. Стремился отменить *liberum veto*, позволявший членам сейма наложить запрет на любое решение. С 1767 года группировки шляхты, недовольные политикой Понятовского, объединились в вооруженный союз – Барскую конфедерацию. Гражданская война вызвала интервенцию соседних держав и повлекла первый раздел Речи Посполитой.

После подавления восстания под руководством Тадеуша Костюшко в 1795 году Станислав Август Понятовский оставил Варшаву и под конвоем 120 российских драгунов прибыл в Гродно под опеку и надзор российского наместника. Там он подписал акт отречения от престола Речи Посполитой 25 ноября 1795 года. Последние годы жизни провел в Санкт-Петербурге.

Все дальнейшее многократно описано, исследовано и даже зафиксировано на экране. Исключение составляют события, произошедшие в Средиземноморье между 1769 и 1775 годами. Их исследовала лишь узкая группа историков, именно поэтому они неизвестны большинству читателей и зрителей. Хотя самые эрудированные из вас вспомнят киноэпопею и современный мюзикл, в которых граф Орлов сначала влюбляет в себя княжну Тараканову, а потом тайно вывозит ее на одном из своих боевых кораблей в Кронштадт. Да, этот эпизод имеет самое непосредственное отношение к событиям, о которых я собираюсь рассказать. Им уделено мало внимания в мировой историографии, но их важность сложно переоценить: все они связаны с грандиозной морской кампанией России и в значительной степени повлияли не только на исход русско-турецкой войны, но и на судьбу нашей страны в целом.

ГЛАВА 3

Чесменский успех

Маршруты наших экспедиций приводили нас в Чесму дважды. Именно здесь упокоилось на дне то, что когда-то было мощным турецким флотом. При всей нелюбви моего коллеги и спутника Марка Подрабиника к музеям, мы все-таки наведались в Чесменский музей. Он расположен в крепости и посвящен в основном событиям июня 1770 года. Я подозревал, что бухта по-прежнему является корабельным кладбищем. Об этом говорит большой старый якорь, лежащий прямо у городской набережной на глубине около метра. Он явно относится к интересующему нас периоду. В администрации музея подтвердили мою догадку: бухта буквально засыпана останками кораблей. Здесь запрещено нырять и проводить подводные работы. При этом денег на подъем артефактов и проведение полномасштабных подводных работ у Турции нет.

Большая часть экспонатов когда-то перекочевала в музей со дна морского. Самые востребованные из них – монеты, личные вещи, образки, части такелажа, поднятые с русского корабля «Святой Евстафий Плакида». А вот перстень

Памятник Гасан-паше.

Якоря со дна Чесменской бухты

Русская пушка с клеймом Олонецкого литейного завода с линейного корабля «Святой Евстафий Плакида»

(по другим данным, табакерка с драгоценными камнями) графа Алексея Орлова, подаренный ему Екатериной Великой, все еще лежит на дне. Граф обронил его случайно от расстройства чувств, решив, что на «Евстафии» погиб его брат Федор Орлов. В центре внимания посетителей музея – русские пушка и бронзовый единорог. Любой историк может без труда узнать в них продукцию Олонецкого литейного завода. По словам местного смотрителя, туристы приезжают именно ради них. Они – главные экспонаты музея. Вход в единственный зал украшает картонная Екатерина в натуральную величину. Ее изображение недвусмысленно указывает, что экспозиция посвящена Чесменскому сражению и участию в нем русских, Екатерине и ее политике и планам.

Внимание Екатерины было обращено в Средиземноморье задолго до отправки флота в Эгейское море. Прежде всего она должна была не просто изучить возможный театр русско-турецкого конфликта, но и понять, на кого стоит опереться в своих грандиозных замыслах. В русской политике некие идеологические и гуманитарные задачи частенько превалируют над политическим прагматизмом. Мы все время стремимся кого-то спасать. При этом те, кому якобы нужна помощь, на самом деле не очень-то в ней нуждаются, а иногда даже платят за спасение черной неблагодарностью.

Средиземноморская кампания не была исключением. Одной из задач на начальном этапе было освобождение единоверцев-греков, изнемогающих под турецким гнетом. Екатерина видела в греках союзников и опору для будущей экспедиции.

Трудно сказать, чего было больше в политике императрицы – сердечного порыва или расчета? А вот то, почему в качестве цели похода были выбраны полуостров Пелопоннес и регион Мани, понятно. Местные жители – майноты (жители полуострова Мани), по донесениям многочисленных эмиссаров Алексея Орлова, были опорой для будущих побед Екатерины в Восточном Средиземноморье: «Спартанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки и подступиться к нему не могут». Определенный резон в этом был: Мани был самым беспокойным и почти неконтролируемым регионом из всех владений султана. А его дикие, жившие кланами, непокорные жители были как незаживающая болячка Османской империи, которую не удалось залечить за три века патроната.

Трудно сказать, кто именно был инициатором Архипелагской экспедиции – Алексей Орлов или Екатерина Великая.

Бронзовый единорог с корабля «Святой Евстафий Плакида»

Многие считают, что экспедицию организовал граф. Думается, что последнее слово было за Екатериной. Но оба они не были моряками, не понимали всех трудностей и последствий перехода из Балтики в Средиземное море, не осознавали всех сложностей, с которыми сопряжены подобные предприятия, – им, непрофессионалам морского ремесла, легче было решиться на эту авантюру. Я, как моряк и путешественник, могу сказать, что мореплавание даже сейчас является уделом людей смелых. И это при том, что современные суда и средства навигации и безопасности находятся на высшей ступени развития. И все-таки они никогда не сделают мореплавание безопасным на 100 процентов. Корабли по-прежнему тонут, переворачиваются, разламываются, садятся на мели и рифы, горят, а люди гибнут. То, что задумала Екатерина и блестяще исполнил в компании своих моряков Алексей Орлов, сегодня кажется мне настоящим подвигом и... большой удачей.

Несколько десятков кораблей Балтийского флота вышли из Кронштадта, преодолели несколько тысяч миль вокруг Европы, проникли в Восточное Средиземноморье и зашли туркам в тыл. Никогда прежде русский флот не совершал столь дерзких экспедиций. Но эта задумка появилась у Екатерины не на пустом месте. Императрица явилась продолжательницей дела Петра I, который, создавая современный, мощный флот, видел в нем опору для своих преобразований. Екатерина поступала так же. Россия отправляла за границу на стажировку своих моряков и кораблестроителей, в самой стране создавала условия для привлечения иностранных специалистов. Многим из них было суждено стать участниками Архипелагской экспедиции.

Русские моряки постигали тайны навигационного дела, учились собирать информацию об условиях мореплавания, состоянии и устройстве портовой службы, которые могли бы пригодиться в предстоящих операциях в Средиземноморье. Вот довольно показательный пример: в 1763 году в Средиземное море отправился торговый фрегат* «Надежда благополучия». Он был похож на обычное торговое судно. Его снарядил тульский купец Иван Владимиров. Однако экипаж фрегата составляли опытные военные моряки, впоследствии

* Фрегат – военный трехмачтовый корабль с полным парусным вооружением, с одной или двумя (открытой и закрытой) орудийными палубами. Предназначался как для дальней разведки, так и для крейсерской службы.

принявшие участие в Архипелагской экспедиции. Поход был предпринят с целью разведки обстановки в районе возможных боевых действий русского флота.

Страница
дневника
С. П. Хметевского

В России, а именно в Санкт-Петербурге и Архангельске, строился самый современный флот. Прибывшие из столицы экипажи перегоняли боевые корабли с севера в Кронштадт, где им присваивали имя и вводили в строй. В итоге к 1769 году, то есть к моменту выхода эскадры в Средиземное море, Екатерина имела в своем распоряжении довольно мощный флот. Сейчас пришло время попробовать его в деле.

Сразу стало понятно, что плавание не будет простым: корабли выходили из строя, а матросы (многие из них увидели море впервые) страдали от морской болезни и погибали от инфекционных заболеваний. У мыса Каттегат экспедиция могла закончиться, едва начавшись. Корабли проходили